КАРТИНЫ ЗНАМЕНИТЫХЪ МАСТЕРОВЪ.

11. КАМЕННЫЙ ВѢКЪ. Картина Викт. М. Васнецова. Фрески въ залахъ Московскаго Историческаго музея.

обойти молчаніемъ это обстоятельство, считая вѣроятно его поступокъ недостойнымъ. Согласно удостовѣренію другихъ біографовъ, его жена Христина была замѣчательной красоты, и только этимъ можно объяснить, что горделивый Тихо, не терявшій изъ виду славу своего рода, снизошелъ до брака съ крестьянкой *).

Черезъ годъ послѣ свадьбы Тихо Браге переѣхалъ въ Кассель, къ ландграфу Гессенскому. Этотъ герцогъ, съ увлеченіемъ изучавшій небо, провелъ вмѣстѣ съ Тихо Браге нѣсколько вечеровъ, но ихъ научныя бесѣды продолжались всего нѣсколько дней. Ландграфъ потерялъ одну изъ своихъ дочерей, и Тихо, не желая его тревожить, выѣхалъ изъ Касселя и переѣхалъ въ Базель, гдѣ и предполагалъ основаться на постоянное жительство. Но ландграфъ Гессенскій, очарованный бесѣдою съ Тихо Браге, а также его обширными познаніями, написалъ датскому королю Фридриху письмо, въ которомъ онъ поздравлялъ его съ тѣмъ, что среди его подданныхъ находится такой прекрасный ученый. Король Фридрихъ, уже выказывавшій благосклонность семейству Браге, рѣшился привлечь къ себѣ Тихо и послалъ къ нему гонца съ приказомъ торопиться возвращеніемъ въ Копенгагенъ, гдѣ его ожидало самое блестящее положеніе, которымъ когда-либо пользовались люди науки.

Фридрихъ уступилъ Тихо Браге въ пожизненное владѣніе и въ полное распоряженіе островъ Гуено, расположенный въ трехъ миляхъ отъ Копенгагена. Въ немъ Тихо Браге выстроилъ роскошную обсерваторію, назвавъ ее Уранибургомъ. Зданіе было настоящимъ замкомъ; въ немъ Тихо соединилъ всѣ воображаемыя удобства научной дѣятельности съ роскошью богатѣйшихъ особъ. Въ обширныхъ покояхъ, украшенныхъ живописью и скульптурою, надписи напоминали о развитіи астрономіи и о знаменитыхъ астрономахъ.

Вокругъ замка вскорѣ были воздвигнуты мастерскія для изготовленія и исправленія астрономическихъ инструментовъ, типографія и наконецъ лабораторія для изученія свойствъ металовъ, подверженныхъ дѣйствію планетъ. Около двадцати молодыхъ людей, избранныхъ изъ числа наилучшихъ во всѣхъ датскихъ университетахъ, производили наблюденія и вычисленія. Во главѣ ихъ первымъ работникомъ былъ самъ Тихо. Труженики Уранибурга составляли дружную научную семью. Безъ заботъ и честолюбія, эти избранники, одинаково привязанные къ наукѣ, изучающіе однѣ и тѣ же задачи и наблюдающіе одни и тѣ же небесныя явленія, воодушевляли другъ друга и оказывали взаимныя и сердечныя услуги.

С. Глазенапъ.

(Продолженіе въ среду).

*) Во время пражскихъ торжествъ могила Тихо была вскрыта, причемъ оказалось, что прахъ его и его жены нисколько не поврежденъ временемъ.

КНИГИ НА НЕДѢЛЮ.

В. Шекспиръ. *Король Іоаннъ*. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. Дм. Мина. Спб. 1901. Ц. 25 к. Изд. А. С. Суворина (Дешевая Библіотека, № 323).

Наличность собраній сочиненій Шекспира, изданнаго Гербелемъ, переводовъ Соколовскаго, Каншина, Кетчера и друг., — какъ и слѣдуетъ тому быть, не останавливаетъ появленія переводовъ новыхъ. Главныя европейскія литературы щеголяютъ одна передъ другой обиліемъ такихъ переводовъ, и Россія, гдѣ Шекспиръ любимъ и понятъ издавна, не должна отставать въ этомъ отъ нихъ. Та или другая пьеса, одна или другая ея сторона, передаются удачнѣе и свѣжѣе разными писателями, отвѣчая болѣе ихъ личнымъ свойствамъ. Посмертный переводъ «Короля Іоанна» Д. И. Мина, нѣсколько суховатый, но крайне добросовѣстный и точный,—полезное пріобрѣтеніе нашей Шекспировской литературы, тѣмъ болѣе, что хроники поэта встрѣчали у насъ всегда переводчиковъ менѣе одаренныхъ, чѣмъ трагедіи и драмы.

Вольная передѣлка болѣе старой пьесы неизвѣстнаго автора «Тревожное царствованіе Іоанна», драма эта содержитъ и заимствованія изъ лѣтописей. Но, какъ всегда у Шекспира, историческіе факты или фабула служатъ только исходной точкой произведенія. Пользуясь ихъ намеками, поэтъ создаетъ людей тѣхъ или иныхъ страстей и характеровъ, если и отступающихъ въ подробностяхъ отъ указаній исторіи или новеллы, то идеально-правдивыхъ и болѣе интересныхъ, чѣмъ конкретныя историческія лица, ибо онъ представляетъ не исторію отдѣльныхъ людей, а исторію человѣчества, не портреты, а типы людского рода, коренныя и характернѣйшія его разновидности.

Въ этой драмѣ—на сценѣ: Іоаннъ, Констанса, Артуръ, Филиппъ Побочный, Пандульфо, де-Бургъ... Но въ именахъ ли дѣло? Здѣсь ничтожный правитель, безсильный даже на зло и творящій его по возможности чужими руками; мать, у которой отнимаютъ и ведутъ на смерть юношу-сына; юноша лицомъ къ лицу съ гибелью, причина которой только его рожденіе; авантюристъ, сильный и отважный, несмотря на свой умъ, руководствующійся однимъ эгоизмомъ и проч. Въ душу каждаго изъ этихъ людей переселяется поэтъ, названный Тэномъ esprit sympathique за его сверхчеловѣческую способность чувствовать всякую черту и откликаться на каждую сторону людской жизни и природы, перевоплощаться въ нихъ и возводить въ полноту созданія.

Хроники считаются менѣе значительною частью Шекспировскаго творчества, а какая сила и въ этихъ якобы передѣлкахъ лѣтописей! Обращенія Констансы къ смерти, сцена между Артуромъ и палачомъ, задорныя выходки баловня судьбы, Филиппа, отмѣчаются Шекспировскими критиками. Но образъ Іоанна нѣкоторыми изъ нихъ считается «не драматическимъ». Какъ, однако, онъ правдивъ, какъ подтверждается представителями исторіи старой и новой! Неисчерпаемъ у поэта и источникъ драматизма и сценическаго движенія, какъ показываютъ второе и третье дѣйствіе «Іоанна», съ ихъ интереснѣйшими коллизіями и борьбой, вспыхивающей вновь и вновь, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ. Поражаютъ и отдѣльныя черты драмы, какъ глубокая правда и грусть стиховъ, изъ которыхъ состоитъ коротенькая роль Генриха. Въ монологѣ Филиппа, какимъ кончается второй актъ, заключается сущность пессимизма и скептическихъ воззрѣній, хоть писанъ онъ около 400 лѣтъ назадъ и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, человѣкомъ полуобразованнымъ...

Къ переводу «Іоанна» приложены отрыв-

Изъ альбома фотографій, присланныхъ изъ Африки одной англійской дамѣ и снятыхъ съ бурскихъ женщинъ и дѣтей въ Блюмфонтейнскомъ лагерѣ. Она пишетъ: «Лизи фонъ-Веймъ, около 8-ми лѣтъ, одна изъ нашихъ маленькихъ скелетовъ. Ноги совершенно несоразмѣрны. Многія доведены до этого состоянія. Я думаю, что пища для нихъ неподходяща (!) и страшно дѣйствуетъ на нихъ жара палатокъ. Ужасно видѣть этихъ дѣтей!»

ки изъ изслѣдованій, разбирающіе, между прочимъ и вопросъ объ источникахъ пьесы. Вопросъ интересенъ развѣ съ точки зрѣнія литературнаго любопытства, для авторства же Шекспира не имѣетъ значенія. «Когда воруешь въ поэзіи, говоритъ Сентъ-Бевъ, то долженъ убить свою жертву». Источники Шекспира давно забыты, а пьесы его вѣчно живы.

В. Г.

П. Н. Захарьинъ (Якунинъ). *Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву*. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Это не біографія Перовскаго, но только матеріалы для его біографіи, которая при подробномъ изслѣдованіи обстоятельствъ жизни такого замѣчательнаго историческаго дѣятеля представитъ много интереснаго и поучительнаго. Перовскій—незаконнорожденный сынъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго—обладалъ благороднымъ и независимымъ характеромъ. Будучи близокъ къ императору Николаю I, онъ рѣшался докладывать ему о сильныхъ міра сего такія вещи, на которыя не рискнетъ царедворецъ обычнаго типа.

Въ книгѣ г. Захарьина, послѣ краткихъ и отрывочныхъ біографическихъ данныхъ о Перовскомъ, помѣщено его собственное, весьма краснорѣчивое описаніе пребыванія въ плѣну у французовъ. Перовскій въ 1812 г. служилъ офицеромъ генеральнаго штаба и въ Москвѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Пѣшкомъ дошелъ онъ до Орлеана, почти безъ хлѣба и обуви. Изнеможенные русскіе плѣнные должны были напрягать страшныя усилія, ибо конвойные французы имѣли приказаніе пристрѣливать всѣхъ, которые отстанутъ болѣе пятидесяти шаговъ отъ хвоста колонны. Нѣкоторые изъ ослабѣвшихъ плѣнныхъ, видя вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до нея, становились въ рядъ на паперти, молились, а потомъ ихъ застрѣливали. Только въ 1814 г., когда русскіе пришли во Францію, Перовскому удалось бѣжать изъ плѣна.

Послѣ этихъ воспоминаній напечатаны письма Перовскаго изъ Италіи къ его другу, поэту Жуковскому, обладающія литературными достоинствами. Кромѣ этихъ писемъ, г. Захарьинъ приводитъ много другихъ, переданныхъ ему графиней А. А. Толстой, родственницей Перовскаго. Интересно, что раньше эти письма побывали въ рукахъ графа Льва Николаевича Толстого и носятъ на себѣ слѣды многочисленныхъ его отмѣтокъ. Оказывается, что знаменитый писатель въ 1878 г. задумалъ писать романъ «Декабристы» и остановился, между прочимъ, на Перовскомъ, крупной личности двадцатыхъ годовъ: письма его могли служить матеріаломъ художнику.

Наибольшую часть книги занимаетъ описаніе похода Перовскаго на Хиву зимой 1839—40 гг. Время для похода выбрали неудачно. Опытные люди не совѣтовали предпринимать его зимой, ибо нельзя достать топлива; но въ Оренбургѣ находился генералъ-майоръ Ціолковскій, полякъ, служившій во время возстанія 1831 г. противъ русскихъ, а по усмиреніи мятежа и послѣ разформированія польскихъ войскъ отправленный на службу на Востокъ, гдѣ, казалось, онъ не могъ вредить. Между тѣмъ онъ-то и повліялъ главнымъ образомъ на Перовскаго при выборѣ времени для похода, который, въ концѣ-концовъ, былъ предпринятъ «на-авось» и сопровождался страшными бѣдствіями.

Русскіе не дошли и на половину разстоянія до Хивы, но результаты похода оказались важными: хивинцы отпустили русскихъ, содержавшихся въ Хивѣ, и заключили торговый договоръ. Въ 1853 г. Перовскій повторилъ походъ въ Среднюю Азію, взялъ Акъ-Мечеть, названную потомъ «фортъ Перовскій», и нанесъ сильный ударъ кокандцамъ. Походъ этотъ, затронутый авторомъ только какъ естественное дополненіе похода 1839—40 гг., изложенъ очень кратко, а между тѣмъ для характеристики Перовскаго онъ важенъ.

Во всякомъ случаѣ, Перовскій первый выдвинулъ заброшенную мысль Петра Великаго о движеніи въ Среднюю Азію, начатомъ походомъ Бековича-Черкасскаго. Справедливо г. Захарьинъ считаетъ взятіе Хивы въ 1873 г. естественнымъ послѣдствіемъ работы Перовскаго, эпилогомъ его походовъ 1839 и 1853 гг. Это онъ намѣтилъ важную задачу и далъ ей оцѣнку, которая развивается еще и по настоящее время. Не легко она ему досталась. Въ книгѣ помѣщено два прекрасныхъ портрета Перовскаго: до похода 1839 г. и послѣ похода; первый представляетъ красавца въ полномъ расцвѣтѣ силъ, второй—измученнаго старика. Да, извѣстныя событія оставляютъ слѣдъ на человѣкѣ! Авторъ говоритъ, что Перовскому нѣтъ въ Россіи видимаго памятника, нѣтъ ни полковъ его имени, ни кораблей (хотя онъ это заслужилъ не менѣе другихъ), но велика память, оставленная имъ въ Оренбургскомъ краѣ, для котораго онъ много сдѣлалъ и, можно сказать, призвалъ его къ жизни.

Сочиненіе г. Захарьина не только интересно и поучительно, но представляетъ серьезный историческій источникъ. Жаль только, что онъ изъ числа источниковъ указалъ однѣ рукописныя записки отставного подполковника Зеленина, а другихъ не упомянулъ, да и относительно записокъ Зеленина не вездѣ сказано, что именно, какіе факты взяты оттуда и какіе изъ другихъ источниковъ.

Профессоръ Н. Орловъ.

Н. П. Кондаковъ. *Современное положеніе русской народной иконописи* (Памятникъ древней письменности и искусства. Выпускъ CXXXIX. Изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности. Спб. 1901). 67 стр.

Въ небольшой, но чрезвычайно интересной книжкѣ Н. П. Кондаковъ сообщаетъ прежде всего нѣкоторые факты, рисующіе современное положеніе русскаго иконописанія, которое онъ наблюдалъ въ главныхъ центрахъ этого дѣла — селахъ Мстерѣ, Палехѣ и Холуѣ. Затѣмъ онъ вкратцѣ говоритъ объ экономическомъ положеніи этихъ селъ и о заработкахъ иконописцевъ, сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ процессѣ иконописанія, выясняетъ, какъ тяжело уже теперь положеніе русскаго иконописанія и какъ должно оно еще ухудшиться, если ему не будетъ оказана необходимая поддержка. Въ заключеніе онъ указываетъ мѣры, какими можно поддержать эту самобытную отрасль русскаго искуства. Всѣ замѣчанія, всѣ сужденія Н. П. Кондакова отражаютъ въ себѣ превосходное знакомство съ исторіей иконописанія и искуства вообще, широкое пониманіе задачъ искуства и значенія иконописанія въ народной жизни, наконецъ—проникнутымъ живымъ интересомъ къ судьбамъ русскаго иконописанія.

«Все искуство владимірскихъ иконописцевъ,—говоритъ онъ,—заключается доселѣ въ неизмѣнномъ принятомъ преданіи и въ живомъ его руководствѣ; иконопись ихъ своими началами и идеалами восходитъ къ древнему народному искуству... Произведенія этого ремесла—копіи только на нашъ взглядъ, а на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ творческую силу; доказывается это тѣмъ, что въ этой суздальской иконописи измѣнились тѣ типы, отъ которыхъ она пошла, и выработались, и даже еще теперь вырабатываются—свои. При всемъ ремесленномъ своемъ характерѣ и современное иконописаніе требуетъ такого мастерства, что хорошій иконникъ достигаетъ такого навыка, который граничитъ съ искуствомъ, если не переходитъ въ него» (10, 18, 21, 24, 33).

Далѣе авторъ горячо возстаетъ противъ иконъ механическаго производства, особенно же противъ иконъ на жести, печатать которыя получила разрѣшеніе фирма Жако и К°, изготовляющая главнымъ образомъ жестянки для ваксы. Онъ говоритъ, что теперь фирма Жако нанимаетъ лучшихъ суздальскихъ иконописцевъ, которыхъ уничтожить она имѣетъ въ задачѣ будущаго, чтобы они изготовили для нея лучшіе образцы, вполнѣ похожіе на иконы, наиболѣе чтимыя; овладѣвъ же этимъ производствомъ—фирма эта выберетъ только опредѣленные, наиболѣе идущіе на рынокъ отдѣлы иконъ, а всю остальную область иконографіи предоставитъ забвенію. Русская иконопись оригинальна и по образу представленія таинствъ и идей, и по самой техникѣ; машинное производство иконъ изуродуетъ эти священныя темы и лишитъ ихъ всякой жизненности, «а затѣмъ и образцы для русскихъ иконъ пойдутъ въ новомъ вкусѣ, по католическимъ образцамъ», «словомъ, разъ будетъ данъ полный просторъ печатной иконѣ на жести или бумагѣ, молебная икона въ русскомъ народѣ исчезнетъ, какъ исчезла она въ католическомъ мірѣ». Таковы будутъ послѣдствія, «кромѣ постыднаго вообще дѣла для русской иконописи», отъ допущенія въ эту область машиннаго, фабричнаго производства, съ присущимъ ему стремленіемъ только къ наживѣ, безъ всякаго интереса къ самому дѣлу. Какъ средство поддержать самобытную русскую иконопись, Н. П. Кондаковъ указываетъ: немедленное и полное запрещеніе всякихъ печатныхъ иконъ; устройство школъ иконописанія и артелей иконописцевъ; облегченіе сбыта, для того, чтобы избавить торговлю иконами отъ множества посредниковъ и дать возможность иконописцамъ получать замѣтно большее вознагражденіе за свой трудъ при незначительномъ повышеніи продажной цѣны иконы; наконецъ, устройство выставокъ иконъ и изданіе хорошаго иконописнаго подлинника, т.-е. сборника изображеній. Особенное значеніе придаетъ Н. П. Кондаковъ вообще повышенію уровня умственнаго развитія иконописцевъ.

Со времени выхода этой книжки уже состоялось рѣшеніе высокой важности для судебъ русскаго иконописанія: учрежденъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ особый комитетъ, на который и возложено попеченіе о русскомъ иконописаніи. Н. П. Кондаковъ состоитъ дѣлопроизводителемъ этого комитета. У комитета есть, стало-быть, широкая, обдуманная и въ высшей степени симпатичная програма дѣйствій. Пожелаемъ же ему отъ души и полнаго успѣха въ его прекрасной задачѣ.

Н. Ч.

Д. Кайгородовъ. *На разныя темы, преимущественно педагогическія*. Съ приложеніемъ опыта програмы природовѣдѣнія по общежитіямъ природы для средней полосы Россіи. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1901. Стр. 103. Ц. 1 руб.

Эта интересная и изящно изданная книга популярнаго русскаго профессора появилась въ свѣтъ очень кстати—въ разгаръ толковъ о реформѣ средней школы, съ обновленіемъ которой естествовѣдѣніе займетъ надлежащее мѣсто въ циклѣ главныхъ предметовъ школьной програмы. Содержаніе книги составляютъ шесть статей, въ свое время напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и, къ сожалѣнію, хорошо забытыхъ; изданіе ихъ отдѣльной книгой спасаетъ отъ нежелательнаго забвенія этотъ драгоцѣнный для воспитателей и родителей матеріалъ. Статей — шесть: «Пустое ли занятіе—уженье рыбы?» «Педагогическое значеніе занятія фотографіей»,—«О разсказахъ, въ которыхъ фигурируетъ рождественская елка,—«Майскіе союзы и комнатныя птицы»,—«Къ вопросу о лѣтнихъ ученическихъ занятіяхъ по природовѣдѣнію» и «Природа въ будущей школѣ». Въ нихъ авторъ является тѣмъ же страстнымъ любителемъ природы, какимъ онъ зарекомендовалъ себя въ теченіе своей плодотворной, почти четверть-вѣковой популяризаторской дѣятельности, девизомъ которой могли бы служить слова пророка Исаіи: «...проповѣдывать лѣто Господне благопріятное». Далекій отъ ходульной морали, такъ-называемыхъ, дѣтскихъ журнальчиковъ, почтенный писатель-ученый, проповѣдуя «лѣто

Принцъ Мирза-Роза-Ханъ-Арфа-Эдъ-Доуле, бывшій персидскій посланникъ при Императорскомъ Россійскомъ дворѣ, назначенный теперь персидскимъ посломъ въ Константинополь.